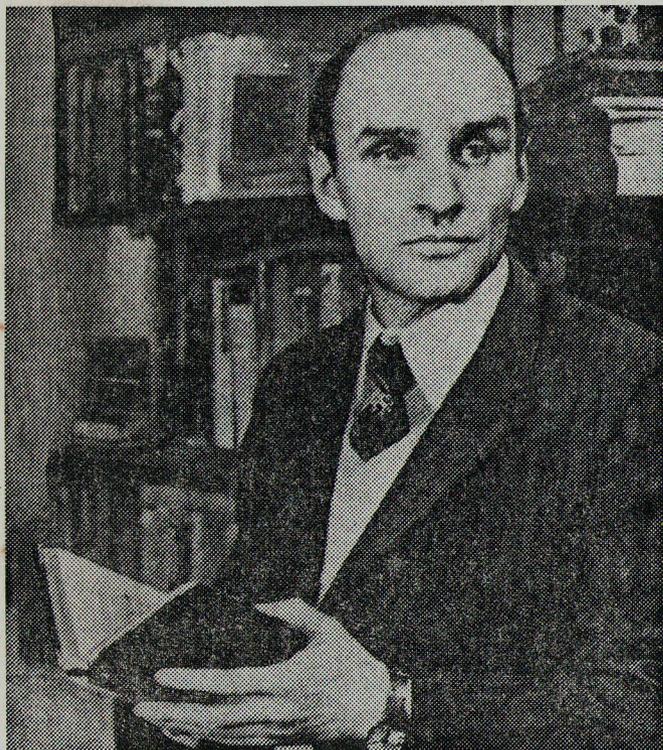

ИЗ ТЕХ, КТО ДОБРОЕ ПРИНОСИТ

С именем заслуженного артиста РСФСР Анатолия Солоницына связаны серьезные художественные поиски и свершения в советском кино шестидесятых—семидесятых годов. У него была своя тема в искусстве — тема встревоженной совести. Его герои — будь то художник («Мужики!..»), или предатель Портнов («Восхождение»), или Федор Михайлович Достоевский («26 дней из жизни Достоевского») — всегда оказываются перед судом собственной совести, проходят через суровые, порой мучительные испытания.

30 августа нынешнего года Анатолию Солоницыну исполнилось бы пятьдесят... Издательство «Искусство» готовит к выпуску книгу, посвященную жизни и творчеству артиста. Она написана братом актера писателем Алексеем Солоницыным. Мы печатаем отрывок из этой книги.

В конце 1981 года я получил от жены брата телеграмму:

«Срочно приезжай Анатолий серьезно болен».

На следующий день я был в Люберцах.

Анатолий лежал на тахте, под теплым одеялом, с книгой в руках. Исхудал так, что нос стал как будто длиннее, а глаза шире. Был выбрит, и кожа на его лице

показалась мне совсем, как у ребенка.

— Не делай страшных глаз. Это мы просто разыграли тебя, понял? Скучно одному, вот и решили вызвать тебя.

Когда жена Анатолия ушла на работу, я подсел к нему поближе:

— Ну?

— Да ничего особенного. Оттапали половину легкого. Пони-

маешь, там образовался нарыв, вот и пришлось делать операцию...

Смутная тревога поселилась во мне. Мелькнула догадка, что, пожалуй, тут другая болезнь. Пройдет немного времени, и прозвучит слово, короткое, как удар хлыста, и я пойму, что операция была отчаянной попыткой спасти брата...

Видимо, и Анатолий уже в то время догадывался, что за болезнь настигла его. Он поспешно заговорил о новых фильмах, и мы незаметно для себя «въехали в философию», как любил говорить Достоевский. Но все-таки время от времени я вклинивал в разговор вопросы о болезни — вроде как бы случайно...

— Говорят, рана почти зарубцевалась. Буду делать специальную гимнастику. С куревом покончено...— неожиданно он хотнул.— Со мной лежал один мужичонка. Часа три после операции прошло, он встает. Я в ужасе: «Ты куда?» Он спокойно так: «Пойду покурю». Во как русский человек свое здоровье бережет!..

Анатолий на удивление быстро набирался сил, и скоро мы прогуливались вокруг дома и шуршили на солнышко, как коты. С каждым днем прогулки становились все длинней, и Анатолий все чаще говорил, что пора приниматься за дело. Шла весна — веселая, дружная, жизнь бушевала яркими красками и запахами первых листьев и цветов, и хотелось действовать, совершать что-то значительное...

— Рвануть бы веселую комедийную рольку... Ей-богу, я бы сумел. Зрители бы животика надорвали. Ты же знаешь, как я умею придуриваться. А если в комедийную роль вложить большой смысл, что получится, а? Только где бы взять такой сценарий?..

Роль ему предложили не комедийную, а остродраматическую. Это опять был эпизод, но

он взялся за него с удовольствием — хотелось работать.

В фильме «Мужики!..» Анатолий появляется на считанные минуты. Тем не менее его герой остается в памяти. А когда он идет по перрону, глядя на сына, отданного чужому человеку, горло внезапно перехватывает — столь велико «эмоциональное поле», созданное артистом.

В другом фильме Анатолию предстояло сыграть одну из центральных ролей.

Рассказывает кинорежиссер, лауреат премии Ленинского комсомола Вадим Абдрашитов:

— Начиналась работа над картиной «Остановился поезд»... Съемки должны были происходить в Пушкине, летом. Там удивительная природа. По сути дела — это курорт среднерусской полосы. И мы постарались сделать все возможное, чтобы у Анатолия были идеальные условия. Конечно, идеальными они не стали, но все-таки в Пушкине было хорошо, и Анатолий часто говорил об этом. Он поправлялся прямо на глазах... Хотя все складывалось непросто. И его внутреннее состояние — он же понимал, что болен не простудным заболеванием; и атмосфера внутри картины — столкновение двух людей с достаточно сложными характерами. А Анатолий был просто образец выдержки. Деликатность, интеллигентность поведения — всегда, даже в самых сложных обстоятельствах...

Вот эта выдержка, самоотдача в работе заставляют меня сказать следующее: я не знаю, как он себя чувствовал. Может быть, он действительно чувствовал себя хорошо, а может быть, чувствовал себя плохо, но так тщательно это скрывал, что мы ничего об этом не знали. Ничего показного у него не было ни в чем, поэтому он не играл «выдержку», а вел себя, как всегда, — естественно, просто, душевно...

Осенью Анатолия уговорили на

три дня приехать в Минск. Там на «Беларусьфильме» режиссер Б. Луценко экранизировал пьесу Янки Купалы «Разоренное гнездо». Роль Незнакомого, во многом аллегорическая, олицетворяла собой человеческую совесть, ее веление идти и бороться за торжество справедливости.

По замыслу режиссера, Незнакомый должен был походить на Янку Купалу. Сделали грим — и Анатолий оказался очень похож на знаменитого белорусского писателя. Такая удивительная «актерская» внешность у него была — лицо даже под легкими ударами грима менялось, приобретало нужные для фильма черты...

Сохранилась фотопроба Анатолия на роль Гоголя — там он как две капли воды похож на великого писателя...

Текст роли Незнакомого во многом передает еще и отношение артиста к жизни. Поэтому мне хочется процитировать отрывок из этой небольшой роли. «Развалины. Зоська одна. Появляется Незнакомый.

ЗОСЬКА. Что это? Кто? НЕЗНАКОМЫЙ. Не бойся, сестра моя! Я свой человек, хотя и прихожу не званы, не сланы. ЗОСЬКА. Кто ты? НЕЗНАКОМЫЙ. Кто я? Я уже ж человек. А что нужно больше знать, если не это? ЗОСЬКА. Что же вам нужно? НЕЗНАКОМЫЙ. Мне ничего не нужно. Я не из тех, кто приходит что-то взять. Я из тех, кто доброе приносит...

Незнакомый объясняет Зоське, что надо идти «на сход великий» и что «совесть и желание счастья себе и другим дорогу покажут». Зоська задумывается, а Незнакомый тем временем уходит так же незаметно, как появился. Минует развалины, засыпанные первым снегом, уходит дальше, дальше, по белой дороге, к горизонту...»

Так закончилась последняя, сорок шестая роль в кино Анатолия Солоницына.